

Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета¹

Algorithmization of Power: Digital Metamorphoses of Political Regimes and Sovereignty²

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18

УДК 321

Получено: 09.06.2021 Одобрено: 20.06.2021 Опубликовано: 25.06.2021

Федорченко С.Н.

кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

PhD Candidate of Political Science, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the faculty of History, Political Science and Law for Research, Moscow Region State University.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Аннотация

Работа открывает собой тематический номер «Цифровизация и Novus Ordo Seclorum: международные отношения и геополитика в цифре». *Цель* статьи – определение особенностей наиболее фундаментального феномена, коренящегося в цифровой метаморфозе политических режимов, суверенитета и геополитики, – алгоритмизации власти. В качестве основной *методологической оптики* используются принципы дискурс-анализа научной литературы (в том числе и работ тематического номера) и приемы сценарийных техник. В работе подчеркивается, что алгоритмы становятся носителем «структурного насилия» (невидимой, но реальной угрозой применения санкций в отношении несогласных с действующими правилами цифровой коммуникации). Власть алгоритмов выявлена в том, что они начинают определять гражданину, что для него лучше, а что нет, в том числе и в политической сфере. При этом тот, кто владеет управленческими алгоритмами, выстраивающими коммуникационные процессы и определяющие интерфейс, функционал коммуникации, тот и обладает алгоритмической властью. Рассмотрены такие сопутствующие явления алгоритмизации власти как социотехническая реальность, предиктивная аналитика, сетевой полис, политический интерфейс, фильтрующие пузыри и аффордансы. Определено, что в новой социотехнической реальности (фиджитал-мире) алгоритмы занимают наиболее важное место, так как именно они скрепляют Социальное с Техническим. В *выводах* подчеркивается, что цифровой суверенитет предполагает несколько компонентов – наличие у режима собственного сетевого полиса (коммуникационных арен) и политического интерфейса (софта, обслуживающего эти коммуникационные арены). *Теоретическая значимость* статьи усматривается в авторском тезисе, согласно которому алгоритмы, будучи составными элементами софта, сближают

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31089.

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute, Project No. 21-011-31089.

политику обеспечения цифрового суверенитета с разными технологиями политической легитимации режима – внутренней и внешней, нисходящей и восходящей. Кроме того, *практическая значимость* исследования видится в том, что в работе предложены сценарии эволюции алгоритмической власти.

Ключевые слова: алгоритмизация, политическая власть, цифровизация, политический режим, суверенитет, легитимация.

Abstract

The work opens the thematic issue «Digitalization and Novus Ordo Seclorum: International Relations and Geopolitics in Digital». The *purpose* of the article is to determine the features of the most fundamental phenomenon rooted in the digital metamorphosis of political regimes, sovereignty and geopolitics - the algorithmicization of power. As the main *methodological optics*, the principles of discourse analysis of scientific literature (including the works of the thematic issue) and the techniques of scriptwriters are used. The work emphasizes that algorithms are becoming a carrier of «structural violence» (an invisible, but real threat of sanctions against those who disagree with the current rules of digital communication). The power of algorithms is revealed in the fact that they begin to determine to the citizen what is best for him and what is not, including in the political sphere. At the same time, the one who owns the management algorithms that build communication processes and determine the interface, communication functionality, he has algorithmic power. Such accompanying phenomena of the algorithmicization of power as sociotechnical reality, predictive analytics, network policy, political interface, filtering bubbles and affordances are considered. It has been determined that in the new socio-technical reality (the phygital world), algorithms occupy the most important place, since it is they that fasten the Social with the Technical. The *conclusions* emphasize that digital sovereignty presupposes several components - the regime has its own network policy (communication arenas) and a political interface (software serving these communication arenas). The *theoretical significance* of the article is seen in the author's thesis, according to which algorithms, being constituent elements of software, bring the policy of ensuring digital sovereignty closer to different technologies of political legitimation of the regime - internal and external, top-down and bottom-up. In addition, the paper proposes scenarios for the evolution of algorithmic power. In addition, the *practical significance* of the study is seen in the fact that the work proposes scenarios for the evolution of algorithmic power.

Key words: algorithmicization, political power, digitalization, political regime, sovereignty, legitimation.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31089 (The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute, Project No. 21-011-31089).

Введение

Эта статья открывает собой специальный тематический номер «Цифровизация и Novus Ordo Seclorum: международные отношения и геополитика в цифре». Издаваясь уже пять лет, «Журнал политических исследований» за все это время старался реагировать на возникающие процессы и тренды политического универсума. В основном в Журнале сложилось три важнейших научно-исследовательских направления. Одно из них посвящено политическим институтам, процессам и технологиям (в том числе и цифровизации политической сферы), второе – международным отношениям и геополитике, а третье часто связано с вопросами методологии, политической философии и теории, истории политических идей и учений. Выпуск «Цифровизация и Novus Ordo Seclorum» своеобразно синтезирует в себе все три перечисленных блока, предлагая анализ текущих трендов и направлений цифровизации

политической сферы, выявляя каузальные механизмы таких трансформаций и находя цифровые взаимосвязи во внутренней и международной политике. Целью данной работы будет не просто традиционный обзор статей тематического выпуска, а больше определение особенностей наиболее фундаментального феномена, корнящегося в цифровой метаморфозе политических режимов, суверенитета и геополитики – алгоритмизации власти.

Цифровая трансформация политических институтов в своей сущности была предопределена более глубинными, фундаментальными трансформациями самой политической власти, а именно – ее алгоритмизацией. Как правило, под алгоритмом (от лат. *algorithmi*, производно от имени средневекового ученого Аль-Хорезми) подразумевают набор инструкций или итоговую совокупность заранее определенных условий, правил решения каких-либо задач. Алгоритмизация власти в нашем понимании будет рассматриваться как процесс приобретения властью характера алгоритма, анализирующего политическое поведение либо управляющего им. Предпосылками алгоритмизации были:

- научно-техническая и компьютерная революция;
- возникновение новых медиа (социальных сетей, имиджбордов, форумов, блогов, видеохостингов);
- цифровая аватаризация (массовое распространение персональных аккаунтов и виртуальных кабинетов у граждан, трансформация гражданина в пользователя);
- насыщение и перенасыщение новых медиа пользовательскими и корпоративными данными (феномен Big Data);
- рост посредническо-коммуникационной роли крупных цифровых корпораций, пользующихся сетевыми эффектами, психопрофилирующими оптиками Big Data для выявления пользовательских и потребительских предпочтений (фактически, западная политическая наука столкнулась с методологической революцией, когда традиционные статистико-демографические приемы стали сменяться методиками психопрофилрования);
- возникновение у ряда политических режимов «сетевых полисов» (национализация интернет-сегмента страны, политический курс на цифровую суверенизацию – создание независимых от транснациональных цифровых корпораций и других политических режимов арен участия из собственных социальных сетей, блогплатформ, порталов; в качестве примера можно привести Китай и Иран);
- интерфейсизация (национализация и создание собственного программного обеспечения, независимого от IT-гигантов и других политических режимов, конструирование в сетевом полисе особого политического интерфейса – системы из алгоритмов, приложений, софта, устанавливающей правила коммуникации, формат цензуры, коммуникационный порядок для ранее разрозненных цифровых аватаров пользователей). Последние два элемента – сетевой полис и политический интерфейс режима начинают определять степень мощности цифрового суверенитета.

Алгоритмизация возникла в условиях гиперперенасыщения сетевых коммуникационных каналов данными. У субъекта управления (элиты, правящих партий, политических лидеров) возник серьезный спрос на поиск, структурирование и анализ больших данных. Но не так все однозначно. Субъект управления, с одной стороны, заинтересован использовать достижения алгоритмизации в подчинении объектов управления (социальных классов, страт, групп населения) путем воздействия на массовое сознание и политическую повестку, с другой стороны, внедрение новых мягких форм алгоритмического контроля скрывают сам субъект управления от граждан.

Постановка проблемы и методология

Проблемой первостепенного значения является определение существенных признаков алгоритмизации власти, а также выявление ее фундаментального воздействия на метаморфозы традиционных политических институтов. Алгоритмы бывают вычислительными и управляющими. Это особо их сближает с задачами политической власти, ориентированной на анализ политического поведения и политическое управление. Алгоритмы – это базовые

элементы любых новых медиа. Именно они, а не партии, движения и традиционные медиа стали фундаментальными репрезентаторами политических лидеров, политических имиджей и брендов, идеологий, месседжей и повестки. Другими словами, сначала происходила алгоритмизация медиа [15], проявившаяся в распространении алгоритмов, цифровых форматов, шаблонов и программного оборудования, необходимого для качественной обработки видео-, фото- и аудио-контента организуемых шоу, теле- и радиопередач. Такая широкомасштабная алгоритмизация медиа в качестве своих причин имела: маркетинговую политическую сферу; формирование медиакратией шаблонов для политического процесса; переход государства на парадигму New Public Management. Позже алгоритмизация медиа своими трендами, форматами и шаблонами стала влиять на алгоритмизацию власти.

Также существует проблема кризиса традиционного суверенитета и развития новой модели цифрового суверенитета. Что связано с противоречивостью алгоритмизации власти, – с одной стороны, цифровые корпорации заинтересованы в распространении типовых алгоритмов, порождающих сетевые эффекты концентрации пользователей на их платформах для большей популярности и повышения прибыли [26], с другой же стороны, политические режимы, усматривающие в этом угрозу для своего доминирования в национальном сегменте Интернета, предпринимают усилия для построения нового типа суверенитета – цифрового, включающего собственных IT-специалистов, национальные IT-корпорации, разрабатывающих софт и компьютерное оборудование, киберподразделения, обеспечивающие сетевую безопасность, электронный щит из программного обеспечения, способного отражать кибератаки и разоблачать политически ориентированные фейки и т.п. Актор, который контролирует весь набор алгоритмов, приложений, обеспечивающих функционирование разных сфер от коммерции до систем вооружений, и обладает всей полнотой цифрового суверенитета. Отсюда цифровой суверенитет зависит от регулярного алгоритмического управления разными сферами экономики и политики.

Британский политолог Г. Ласки в свое время в работе «Исследование проблемы суверенитета» высказал глубокую мысль, что суверенитет больше связан не с инструментальным принуждением, а со способностью власти заручиться согласием, учетом иных волей, а не одной воли. Тем самым Ласки очень сблизил теорию суверенитета с теорией политической легитимации. Он отмечал, что воля государства всегда конкурирует с другими волями и превалирует над последними при условии сохранения способности адаптации к изменениям и наличия фактора всеобщего признания [11]. Алгоритмизация власти функционирует именно в этой области. Задача управленческих алгоритмов – войти посредством приложений и программ в повседневную жизнь большинства населения, купирова наиболее опасные противоречия между гражданами и политической элитой. С помощью алгоритмов, регулирующих коммуникационные процессы, цифровой суверенитет укрепляет традиционный суверенитет, корректируя новостную, и, самое главное, – политическую повестку дня. Подчинение разных волей граждан воле властной элиты в терминологии Ласки происходит благодаря распространению или пресечению с помощью алгоритмов определенных политических паттернов, политических стереотипов и даже комплексных и сложных политических мифов, заменяющих идеологии.

Как правило, алгоритмическое управление означает работу разнообразных алгоритмов с данными, что нужно для достижения коммерческого успеха той или иной корпорации. С этим процессом связан феномен цифровых ритуалов – однотипных стандартизированных действий пользователей в киберпространстве. Корпорации и власти заинтересованы в распространении таких стандартизированных цифровых ритуалов (лайков, постов, дизлайков, репостов, комментариев и т.п.) для алгоритмической обработки пользовательских реакций на внешние раздражители (социально-экономические и политические). Отсюда прежние дебаты о народном суверенитете нуждаются в дополнительном переосмыслении. Ведь тот, кто владеет управленческими алгоритмами, выстраивающими коммуникационные процессы и определяющие интерфейс, функционал коммуникации, тот и обладает алгоритмической властью. Не секрет, что в современных условиях цифровизации полноценным доступом к

управлению алгоритмами обладают цифровые корпорации и связанные с ними симбиотическими отношениями политические режимы. Исходя из этого вновь становится актуальной идея американского политолога В. Уиллоуби, высказанная им в книге «Природа государства», – до тех пор, пока народ не организуется политически, он не будет обладать суверенитетом. Суверенитет принадлежит только политическому сообществу [27]. Эта глубокая мысль в современных реалиях означает, что отсутствие двухкомпонентного демократического просвещения граждан, предполагающего политическое просвещение и техническое просвещение населения, оставляет суверенитет в руках элит политических режимов и связанных с ними элит IT-гигантов. Граждане же трансформируются потребителей политической и коммерческой продукции, отесняясь от творческих процессов разработки алгоритмов и управления ими.

Важно понять, в чем отличие алгоритмизации от цифровизации? Становится ли власть алгоритмом? Чем отличается алгоритмическая власть от власти традиционной? Каковы последствия алгоритмизации власти? И можно ли говорить о сценариях эволюции алгоритмизации власти? Для поиска ответов на подобные вопросы в качестве основной методологической оптики будут использоваться принципы дискурс-анализа научной литературы (в том числе и работ тематического номера «Цифровизация и Novus Ordo Seclorum») и приемы сценариотехник. Вспомогательной методологической оптикой послужат элементы экстраполяции и компаративистики.

Анализ феномена алгоритмизации власти

В чем же отличие цифровизации от алгоритмизации? Цифровизация – это более сложносоставной феномен, включающий не только саму алгоритмизацию, но и развитие цифровых корпораций, новых видов коммуникации, аватаризацию, интерфейсизацию и другие цифровые феномены, явления, процессы и эффекты. Важно напомнить, что цифра существовала с архаичных времен – до самой эпохи цифровизации. И в ее задачи изначально входил подсчет, учет, систематизация, контроль – все атрибуты власти [8]. Алгоритм также существовал задолго до начала цифровизации. Его признаки можно найти в исторических примерах последовательных операций – от сельского хозяйства и промышленности до бюрократии и армии. Встречались и политические алгоритмы, примером которых могут служить политический церемониал, придворный, дипломатический этикет. И это было задолго до научно-технической революции и появления Интернета. Таким образом, алгоритмизация, как процесс приобретения властью характера алгоритма, имеет как более узкий, так и более фундаментальный характер для всех дальнейших цифровых трансформаций, в том числе и политических институтов. Но становится ли власть алгоритмом? Или это преувеличение?

Алгоритм превращается в незаметный, но базовый элемент политики, так как с помощью него возможен поиск информации, ее фильтрация, систематизация и сортировка. Благодаря алгоритму обеспечивается ранжирование политических новостей по степени их важности, распространяется технология рекомендации политизированного или деполитизированного контента. Американский антрополог в Д. Гребер в свое время сформулировал «железный закон либерализма», согласно которому любые правительственные действия или рыночная реформа, призванные минимизировать бюрократизм парадоксальным образом приводят к еще большему регулированию [6, с. 12]. Бюрократизация повседневности, по Греберу, подразумевает рост обезличенных норм и правил. Это как раз совпадает с признаками безликого алгоритма. Гребер много писал о так называемом «структурном насилии» – всепроникающем социальном неравенстве, связанного с угрозой наказания и бюрократическими процедурами. Если эту позицию соотнести с тем фактом, что современные цифровые корпорации на деле присвоили себе монопольную роль решать, кому давать право на коммуникацию, а кому нет (это отлично показала ситуация с удалением аккаунтов Д. Трампа), то становится понятна сущность алгоритмизации власти – алгоритм превращается в

невидимую, но реальную угрозу применения санкций в отношении несогласных с действующими правилами цифровой коммуникации.

Алгоритмы крайне важны для современной коммуникации, в том числе и политической. Однако разработчики алгоритмов закладывают всевозможные ограничители для гражданина – от строго очерченной линейки лицензионного софта и плагинов до функционала программ и возможностей интерфейса. Любой пользователь понимает, что несоблюдение «правил игры» цифровых корпораций чревато серьезными последствиями, начиная от коммуникационных ограничений и заканчивая ликвидацией всех цифровых аватаров. Тем самым структурное насилие, заложенное в алгоритмизированной власти, эффективно действует на гражданина широким спектром угроз и не требует физического насилия, как в случае с традиционной властью. По Греберу, структурное насилие оставляет право на воображение за элитой, подвергая рутинизации и регламентации остальные группы населения [6, с. 88]. В условиях цифровизации функцию такого разделения начинают выполнять алгоритмы, расширяющие возможности элиты для надзора и контроля над другими социальными группами. Безликость сближает алгоритмы и бюрократию, формируя в общественном сознании миф о некой объективной, непредвзятой системе, функционирующей на принципах эффективности и научности. Д. Бир отмечает, что власть алгоритмов заждется на том, что они начинают определять гражданину, что для него лучше, а что нет. Алгоритмическая обработка данных может приводить к перенастройке, коррекции, трансформации, созданию или ликвидации социальных или даже политических коммуникаций [23]. Алгоритмы могут увеличить либо ограничить источники информации, политический опыт гражданина, политизировать или деполитизировать, окружающие его данные.

Л.С. Мамут в свое время предложил интересный подход, согласно которому образ государства является алгоритмом политического поведения [12]. Последний означает определенную программу, определяющую сущность и варианты политического поведения индивидов. При этом алгоритмы политического поведения могут на деле являться позитивным либо негативным отношением граждан к самому государству. Иными словами, алгоритмы связаны с последовательными процедурами анализа политического поведения, паттернов, шаблонов действий, закрепленных в человеческом сознании. Логично предположить, что заказчики алгоритмов не останавливаются на этом уровне, также интересуясь и технологиями коррекции политического поведения. Кстати, современные исследования цифровых аватаров шагнули в довольно малоисследованную, но перспективную для власти и корпораций область. Так, М. Косински на базе Стэнфордского университета проводит уникальные исследования, нацеленные определить, каковы способности алгоритмов, нейронных сетей в определении либеральных и консервативных взглядов интернет-пользователей [25]. По мнению Косински, в настоящее время можно серьезно совершенствовать способности алгоритмов по определению личностных качеств человека на основе физиономического анализа и цифровых следов. Эта процедура заставит алгоритмы учитывать политические предпочтения и соответственно реагировать на действия конкретного человека.

Теперь постараемся ответить на два других тесно связанных вопроса: чем отличается алгоритмическая власть от власти традиционной? и каковы последствия алгоритмизации власти? Для этого более подробно рассмотрим такие явления как социотехническая реальность, сетевой полис, политический интерфейс, предиктивная аналитика, аффордансы и фильтрующие пузыри.

Социотехническая реальность, как результат цифровизации политики, является важным фоновым элементом, поддерживающим процесс алгоритмизации власти. В общем она характеризуется тесным переплетением Социального и Технического. Социальное порождает такое Техническое, которое начинает не только поддерживать Социальное, но оказывать на него решающее воздействие. Социотехническая реальность (или фиджитал-мир) – это активное смещение и даже исчезновение фронта между реальным и виртуальным миром, подготовленное процессом стандартизации данных, феноменом Big Data и распространением

алгоритмических решений в социально-политической сфере. Фиджитал-мир характеризуется и расширением видов данных за счет тотальной, форсированной цифровизации. В новой социотехнической реальности алгоритмы занимают важное место, так как именно они скрепляют Социальное с Техническим.

Пока человек не участвует в создании мира так или иначе, он ему представляется как объективная реальность [3]. Но большинство алгоритмов все больше регламентируют, предписывают, ограничивают творческую политическую активность людей, тем самым нарушая фронт между реальным и виртуальным, социальным и техническим. Поэтому алгоритмической власти в отличие от традиционной власти доступны более разнообразные технологии контролирования действий индивида. Помимо этого, алгоритмизированная власть может не просто обозначить для индивида бинарную логику разрешений и запретов, но и в автоматизированном ключе формировать «серую зону» политики – набор псевдовозможностей и псевдокоммуникаций человека.

Такой ключевой элемент фиджитал-мира, как стандартизация данных, способствует тому, что используемые метрики подгоняются под функционирование сложных алгоритмов. Как писали П. Бергер и Т. Лукман, любая взаимная типизация распространенных действий означает конструирование институтов. Таким признаком обладают и алгоритмы, сцепляющие Социальное и Техническое в социотехническую реальность. По Бергеру и Лукману хабиитуализация (опривычивание), как органичный элемент институционализации, исходит из того посыла, что конкретное действие может опять совершено в будущем с тем же усилием и схожим образом [3]. Мало того, хабиитуализация предусматривает сокращение выбора. Алгоритмы, во-первых, как раз и основаны на принципах повторяемости процессов. Во-вторых, алгоритмы, также способны сокращать социально-политические возможности коммуникации, ограничивая функционал и задавая интерфейс программ, плагинов, сайтов. В стандартизации данных заинтересованы не только корпорации, но и государства, перешедшие к активной фазе защиты своей информационной политики. Итогом совпадения государственных и корпоративных интересов становится цифровая гибридизация и трансформация политических режимов. Этой стороне вопроса как раз посвящена работа профессора С.В. Володенкова [5].

Кардинальным последствием обозначенной стандартизации становится появление цифровых ритуалов, когда лайки, репосты, комментарии начинают влиять на порядок и устойчивые традиции коммуникаций. Алгоритмическая стандартизация не просто объединяет Социальное и Техническое, она способствует реификации [3] – восприятию человеком процессов, явлений данной социотехнической реальности в нечеловеческих, сверхчеловеческих терминах. Реифицированная социотехническая реальность еще больше отчуждает человека от участия в политических процессах, в политике как таковой. Алгоритмическая власть на деле деполитизирует жизнь общества. Иными словами, социальные сферы жизни начинают расцениваться человеком как ему изначально неподконтрольные, обусловленные некими изначально заданными социотехническими параметрами, алгоритмами. При этом фетиш алгоритмов достигает своей кульминации в примечательной гибридизации рационального и иррационального – алгоритмы повсеместно расцениваются гражданами как некие объективные и независимые сущности, предписания которых, якобы, аргументированы пользой, эффективностью для человека. Вместе с тем забывается, что алгоритмы пишутся под интересы элиты конкретных цифровых корпораций и конкретных политических режимов. Результатом такой реификации институтов становится наделение их онтологическим статусом, по сути, независимым от человеческой деятельности. Другими словами, онтология алгоритмов влияет на онтологию политических институтов, основанных на принципах алгоритмизации власти. В итоге появляются предпосылки для конструирования нового типа политических режимов, основанных на специфической гибридизации интересов политических элит и цифровых корпораций.

Имеется еще одно отличие алгоритмизированной власти от власти традиционной. Х. Арендт писала о том, что власть формируется среди людей, которые взаимодействуют друг с

другом [1, с. 252]. Между тем алгоритмы, как важный ресурс политической власти эпохи цифровизации, еще менее доступны большинству населения, чем традиционные ресурсы. Алгоритмическая власть подтачивает «бытие-друг-с-другом» в понимании Арендт. Достаточно вспомнить, что социальные сети (Facebook и др.) используют закрытые, а не открытые коды. Это ограничивает политическое творчество граждан, замыкает их политическое участие на чрезвычайно узких вопросах. Происходит существенная деполитизация активности граждан, замещение политических вопросов обсуждением неполитических проблем (что хорошо, к примеру, показывает исследование цифровых платформ профессора И.А. Быкова [4]). Вообще цифровых платформ с открытым исходным кодом, который могут использовать не только власти и корпорации, но и граждане, не так много. В качестве примера можно назвать систему открытых кодов Consul, получившую реализацию в проектах Decidim Barcelona (город Барселона), Orcamento Participativo Digital (Порту-Алегри), RIVP (Париж), VA Elige (Буэнос-Айрес), Stem van Emmen (Эммен), DzialaMy! Wawer (Варшава), New York City Participatory Budgeting (Нью-Йорк), Stem van Groningen (Гронинген) и др. На платформах с открытыми исходными кодами граждане могут инициировать дебаты, участвовать в голосованиях, мониторинге жизни города, вносить предложения, дискутировать по поводу законопроектов и т.п.

Демократия и реальное участие большинства граждан в политическом процессе требует серьезного политического и технического просвещения, приобретения гражданами навыков программирования, работы с открытыми исходными кодами для создания цифровых проектов, решающих политические проблемы. Вот почему новую актуальность приобретает анализ Д. Ронгом интегральной и интеркурсивной власти [19, с. 24-25]. Без социотехнического просвещения гражданина алгоритмизация власти закрепляет господство интегральной власти, когда политическая инициатива и принятие политических решений монополизируются элитой. Интеркурсивная же власть, базирующаяся на гражданском мониторинге, обсуждении и ограничении интегральной власти, практически сводится на нет.

Сетевой полис выступает другим фоновым сопутствующим компонентом алгоритмизации власти. Причина появления этого феномена в том, что IT-корпорации для закрепления приносящих прибыль сетевых эффектов не только навязывают цифровые ритуалы, но и поддерживают процесс цифровой аватаризации. Создаваемые коммуникационные арены из социальных сетей, блогов, видеохостингов формируют особый сетевой полис режима. Как цифровая публичная зона, сетевой полис объединяет микровласть и микропроцессы частного пространства с макрополитическими процессами [9, с. 70]. Благодаря коммуникационным аренам сетевого полиса происходит современная институционализация и легитимация политики и власти.

На первый взгляд, сетевые полисы в определенном смысле дают надежду на цифровую многополярность [7], недопущение алгоритмизации власти хотя бы в геополитическом формате. Хотя факты говорят и о том, что существуют риски информационного империализма и формирования глобального режима цифровой империи с метрополией в США. Отсюда сохранение полноценного цифрового суверенитета становится невозможным без использования новых цифровых каналов (видеоигры, сообщества социальных сетей, цифровая дипломатия, имидж-позиционирование режима) во внешнеполитической стратегии государства [2]. Гипотетически, цифровой империи можно противостоять не только умением вести информационные войны, но и другими технологиями. Цифровая многополярность может быть обеспечена не только сосредоточенностью сообществ сетевого полиса на внутренние проблемы режима, но и активной внешней политикой – цифровой дипломатией. Данному вопросу посвящены две работы нашего тематического номера [18; 24]. Цифровая дипломатия – это логичный ответ на алгоритмизацию власти, появление информационных войн между политическими режимами и важный стратегический ресурс для защиты цифрового суверенитета.

Следует заметить, что цифровой суверенитет, органично дополняющий традиционный, не просто пересекается с политической легитимацией режима. Такого характера суверенитет

учитывает ее разные типы. Во-первых, цифровой суверенитет связан с внутренней политической легитимацией – совокупностью приемов по обеспечению легитимности политического режима на территории определенного государства. Во-вторых, есть фактор внешней политической легитимации режима. От него больше зависят, как правило, электоральные демократии и автократии, находящиеся в стадии модернизации, реформирования и обладающие неустойчивым суверенитетом. Основной проблемой для режимов является эффект наложения внешней и внутренней политической делегитимации. В этом случае можно говорить об исчезновении суверенитета – и традиционного, и цифрового. В-третьих, есть нисходящий тип легитимации – совокупность технологий по обеспечению легитимности политического режима приемами элиты в области инновационных форм микротаргетированной пропаганды, контроля массового сознания и политической повестки дня. В-четвертых, современные политические режимы (в основном либеральные демократии) практикуют и техники восходящей политической легитимации, связанной с активным политическим участием граждан и стратегией эмпауэрмента [20]. Наилучшим вариантом будет баланс техник восходящей и нисходящей легитимации режима: так как приоритет восходящей легитимации может расшатать действующие политические институты, привести политику в нестабильное положение, а доминирование нисходящей легитимации чревато манипулятивными перегибами власти и ростом недовольства граждан.

Вполне вероятно, что ключ к секрету глубокого анализа соотношения суверенитета со спецификой внешней, внутренней, нисходящей и восходящей легитимации находится в перспективных политологических исследованиях кейсов и моделей Policy и Politics.

Теоретическая схема П. Бергера и Т. Лукмана пока, возможно, способна лучше объяснить тесную взаимосвязь легитимации политического режима и цифрового суверенитета государства. Прежде всего, важно обратиться к их модели «концептуальной машинерии универсума». Согласно ей, символический универсум обеспечивается процедурами терапии и аннигиляции [3]. Терапия ориентирована на удержание девиантов в рамках институционализированной реальности. В цифровой век это означает поддержание посредством правил сообществ социальных сетей, блогов, видеоблогов особой цифровой этики, страха, чувства стыда у тех индивидов, которые потенциально готовы к поддержанию девиантных вариантов интерпретации политической реальности. Аннигиляция же применяется в отношении тех групп и индивидов, которые находятся за пределами социума, контролируемого политическим режимом. Обычно на таких девиантов навешивается ярлык негативного онтологического статуса. Целью терапии и аннигиляции остается успешная социализация граждан сетевого полиса, недопущение серьезной асимметрии между их субъективной и объективной частями реальности. Кроме того, никто не мешает элите сохранять через политический интерфейс сетевого полиса определенную долю делинквентности (укрошенной противозаконности в терминологии М. Фуко [22, с. 340-343]) – допустимого и не критичного для легитимации режима девиантного политического поведения. Во-первых, контролируемая делинквентность переводит сетевой полис и политический интерфейс режима в область экспериментальной политической лаборатории, где отрабатываются новые приемы легитимации и укрепления цифрового суверенитета, во-вторых, делинквенты воспроизводят образ осуждаемого политического поведения в обществе.

Политический интерфейс, как правило, появляется из-за распространения элитой коллективных стандартизированных цифровых ритуалов, определяющих правила и принципы коммуникации граждан. Данный тип специфического интерфейса возникает как ответ на тотальную цифровизацию, риски десуверенизации и связан с предиктивной аналитикой, фильтрующими пузырями и аффордансами. Предиктивная аналитика, как отмечает российский политолог М.М. Назаров, означает быстрый и автоматизированный механизм решений, с возникновением которого происходит масштабное внедрение приемов измерения и рейтингования [15] активности (в том числе и политической) человека и целых социальных групп. В результате предиктивного подхода к политике приложения, программы, алгоритмы начинают измерять время сна, передвижения человека, его политические предпочтения и

социальные связи. В то же время, следует подчеркнуть, что активное внедрение программ подчинено не только сугубо политико-управленческим целям. Оно продиктовано и возрастающим спросом на глубокое измерение процессов делегитимации власти, поэтому применение софта находит все большее место в современных политологических исследованиях [17].

Появление политического интерфейса не является случайностью. Алгоритмизация власти имеет своей целью установление разнообразных пределов [10, с. 45, 53, 61-62]. Эти пределы касаются не только ограничителей политической коммуникации, но и правил допустимой политизации, а также техник деполитизации опасных для легитимации режима проблем и сфер повседневной жизни. Пределы коммуникации, как правило, служат предохранителем от рисков легитимационных кризисов (значение этого феномена хорошо видно на примере советской истории [13]). Установление любых пределов алгоритмической властью в условиях цифровизации на деле означает контроль дискурса и наказание за нарушение его правил. Это нас отсылает к концепции дисциплинарной власти М. Фуко, который обратил внимание на воспроизводство асимметрии отношений различными типами дисциплинарных механизмов [22, с. 271] (наиболее хорошим примером применения такой дисциплинарной, алгоритмической власти является тотальная ликвидация аккаунтов (аватаров) Д. Трампа цифровыми корпорациями).

Механизм политического интерфейса предполагает не просто традиционную цензуру информационных потоков. Он, прежде всего, характеризуется особой характерной чертой алгоритмической власти – появлением фильтрующих пузырей (о чем писал Э. Паризер). Важно напомнить, что алгоритмы ориентированы на персонализацию контента, услуг и товаров, в результате в одних сетевых сообществах может закрепиться отличная интерпретация одних и тех же политических событий, чем в других группах. Поэтому в будущем можно предположить превращение интернет-зон политических режимов в своеобразные фильтрующие пузыри [15]. Предиктивная аналитика и фильтрующие пузыри приводят к тесной спайке сетевых полисов с интерфейсами режимов.

Захват политическим интерфейсом сетевого полиса закономерен. Такой захват определен вопросом суверенитета. Если этот захват не осуществляет национальная политическая элита, то к данному процессу, как правило, подключаются иные политические режимы или связанные с ними транснациональные цифровые корпорации. Таким образом, обладание цифровым суверенитетом становится возможным только при условии контролирования режимом как сетевого полиса, так и политического интерфейса этого полиса. Наибольший риск для цифрового суверенитета несет эффект наложения нескольких факторов – отсутствие сетевого полиса, политического интерфейса и одновременные санкции [14].

В случае, если, к примеру, коммуникационные площадки (блоги, социальные сети) сетевого полиса относятся к национальной интернет-зоне, завися от режима, а такие компоненты политического интерфейса, как программное обеспечение, алгоритмы, плагины, драйверы контролируются не подчиняющимися режиму корпорациям, то говорить о целостности цифрового суверенитета не приходится. Не будет цифрового суверенитета и в том случае, когда режим не имеет собственного сетевого полиса и выстроил только собственный политический интерфейс, контролирующий стратегически важный для политический коммуникации софт. Для обладания цифровым суверенитетом нужно и то, и другое – наличие собственного сетевого полиса (коммуникационных арен) и политического интерфейса (софта, обслуживающего эти коммуникационные арены).

На этом фоне для нас важно другое замечание В. Уиллоуби – суверенитет является властью, определяемой только текущим моментом и конкретными политическими институтами [27]. Алгоритмы как раз удобны для политической власти тем, что способны осуществлять мгновенную и масштабную микроцелевую таргетированную пропаганду, контролируя социальную реальность на данный момент. Задача политического интерфейса, его софта, алгоритмов, конкретных программ – это абсолютное контролирование функционального времени [9, с. 73-76] коммуникационных арен сетевого полиса. Выражаясь терминологией М.

Фуко, алгоритмизированная власть посредством политического интерфейса создает на аренах своего сетевого полиса лояльных к ней индивидов. Но политический интерфейс – это не только гибкая цензура фильтрующих пузырей, но и сложная, многокомпонентная система аффордансов.

Аффордансы, как правило, означают технологии рекомендаций для формирования прогнозируемых действий человека. Роль этого феномена уже отмечается в работах российских политологов [4]. Через механизмы аффордансов политический интерфейс также способен контролировать коммуникационные арены сетевого полиса. Основное проявление такого механизма – это конструирование новых предпочтений, рекомендаций, полезных, но все же навязываемых ресурсов, приводящее к целенаправленному мифотворчеству [10, с. 133-134]. Тем самым возникают условия для разных политических мифов, прикрывающихся рационализацией – мнимой объективностью и непредвзятостью алгоритмов, «знающих лучше, что нужно человеку».

Политический интерфейс не допускает переход институциональной сегментации на критический уровень для легитимности режима [3]. По этой причине в задачи такого интерфейса входит контроль за теми алгоритмами, которые будут препятствовать излишней поляризации изолированных смысловых подуниверсумов (что хорошо видно на примере сообществ социальных сетей и их идентичностей). Параллельно политический интерфейс занят подчинением разрозненных цифровых аватаров граждан (если этот фактор властью игнорируется, то цифровые аватары починяются иным режимам и корпорациям). Между тем политический интерфейс – дорогостоящий проект, поэтому доступен не для всех режимов. По этой причине не все так однозначно – риски алгоритмизации [15] некоторыми политологами видятся в дальнейшей цифровой аватаризации на основе крайне индивидуалистических паттернов, что сказывается в оттеснении суверенитета гражданского общества суверенитетом индивида.

Дискуссия и выводы

Итак, алгоритмизация власти в нашем понимании – это процесс приобретения властью характера алгоритма, анализирующего политическое поведение либо управляющего им с помощью тотальной цифровизации разнообразных индексов и рейтингов, принципов предиктивной аналитики, аффордансов и фильтрующих пузырей. Алгоритмизация власти – ядро более широкого процесса цифровизации политической сферы и традиционных политических институтов. Алгоритмическая власть появилась в условиях гиперперенасыщения сетевых коммуникационных каналов данными, когда у элиты возник спрос на поиск, структурирование и анализ больших данных. В отсутствии социотехнического просвещения гражданина алгоритмизация власти закрепляет господство интегральной власти, когда политическая инициатива и принятие политических решений монополизируются элитой. Это развеивает мифы о всесильности цифровой демократии. Фетиш алгоритмов достигает своего апогея тогда, когда они начинают повсеместно расцениваться гражданами как некие объективные и независимые сущности, предписания которых, якобы, аргументированы пользой, эффективностью для человека.

Алгоритмизация власти предполагает сложные и противоречивые феномены – с одной стороны, в новой социотехнической реальности алгоритмы скрепляют Социальное с Техническим, но, с другой, – большинство алгоритмов все больше регламентируют, предписывают, ограничивают творческую политическую активность людей. Алгоритмы становятся носителем «структурного насилия» - невидимой, но реальной угрозой применения санкций в отношении несогласных с действующими правилами цифровой коммуникации. При этом цифровой суверенитет, как технологическое расширение традиционного суверенитета в духе М. Маклюэна, оказывается крепко связан с усилением роли цифровых корпораций. Алгоритмы, будучи составными элементами программного обеспечения, сближают политику цифровой суверенизации с разными технологиями политической легитимации режима – внутренней и внешней, нисходящей и восходящей.

Можно очень кратко наметить некоторые сценарии алгоритмизации политической власти.

Во-первых, алгоритмизация может привести к «цифровому отгораживанию» политических режимов друг от друга, когда установится многополярность с различными практиками цифровой дипломатии. Каждый режим станет обладателем национальной интернет-зоны из коммуникационных арен сетевого полиса и программного обеспечения, фильтрующих пузырей, аффордансов политического интерфейса. Такой цифровой геополитический порядок будет отличаться временными союзами и отдельными вспышками информационных войн. Также данный сценарий предполагает окончательное подчинение элиты цифровых корпораций интересам политических элит ведущих режимов для сохранения и укрепления национального цифрового суверенитета.

Во-вторых, нельзя полностью исключать сценарий установления такого геополитического порядка, который подразумевает усиление и монополию цифровой империи с метрополией из Соединенных Штатов. Система цифровой империи будет включать кроме метрополии (где останутся штаб-квартиры всех основных западных цифровых корпораций) цифровые колонии (зависимых в информационном потреблении и производстве режимов) и цифровых союзников. Цифровая империя станет, скорее всего, поддерживать внешнеполитический образ врага из политических режимов-изгоев и вести с ними постоянные информационные войны.

В-третьих, возвышение роли цифровых корпораций в виде основных коммуникационных посредников между гражданами и властью приведет к глубоким и необратимым метаморфозам традиционных политических режимов. В этом варианте элита цифровых корпораций фактически станет диктовать свою волю политической элите режимов, в то же время, не неся никакой ответственности за судьбу общества.

В-четвертых, можно предположить вариант геополитического порядка конкуренции нескольких политических режимов, использующих технологическую слабость других режимов в собственных интересах. Этот вариант будет означать временный союз элит цифровых корпораций и политических режимов для подчинения слабых коммерческих и политических акторов. Самым худшим вариантом данного сценария будет являться новая холодная война между двумя цифровыми империями, имеющими собственные цифровые ойкумены, делящие планету на два враждебных лагеря.

В-пятых, есть небольшой, но все же определенно просматривающийся сценарий возникновения нового типа «токсичных политических режимов», не связанных с территорией конкретных государств, состоящих из преданных сетевых сообществ, разрушающих изнутри цифровой суверенитет, политический интерфейс стран и захватывающих их сетевые полисы. Самым негативным вариантом этого сценария можно назвать возникновение новых «цифровых кокусов» – неформальных ассоциаций (описанных в свое время М.Я. Острогорским на основе перерождающихся политических партий [16, с. 127]), проникающих в государственные, муниципальные, партийные, корпоративные структуры, имеющих свои интересы и использующие собственные связи для овладения алгоритмической властью и установления выгодного для себя политического режима. Цифровые кокусы, как симбиоз представителей политической и IT-элиты, могут создать симулякр политических институтов, устраняя своих конкурентов любыми способами.

Представляется важным отметить, что не исключена гибридизация предложенных сценариев.

Технологическая турбулентность закладывает новые социально-политические аттракторы с точками бифуркации и точками невозврата, рисками и возможностями для традиционных политических режимов. Те режимы, которые не смогут в ближайший период использовать эти аттракторы и защитить свой цифровой суверенитет, перейдут в разряд цифровых колоний более мощных в технологическом плане режимов (цифровых империй). С одной стороны, внедрение новых видов цифрового контроля стирает грань между различными традиционными политическими режимами (демократиями, автократиями и т.п.), с другой стороны, вступление цифровых корпораций и государственных институтов в сложные

симбиотические отношения заставляет говорить об алгоритмизации власти, когда политическая власть начинает активно заимствовать корпоративные техники предиктивной аналитики, ранжирования, фильтрации информации для изучения целевых аудиторий, управления политической повесткой дня и коррекции общественных настроений.

Требуется заметить, что цифровой суверенитет предполагает несколько компонентов – наличие у режима собственного сетевого полиса (коммуникационных арен) и политического интерфейса (софта, обслуживающего эти коммуникационные арены). Эта сторона алгоритмизации власти формирует риски и перспективы для развития полноценной цифровой демократии. У элиты любого режима есть большие соблазны использовать повестку безопасности для тотального контроля сетевого полиса страны через специальный всепроникающий интерфейс. Существует большая угроза, что проекты цифровой демократии будут подменяться деполитизированными платформами, где будут обсуждаться самые разные вопросы – от ремонта дорог до вывоза мусора, но только не аспекты самой политики – распределение бюджета, отчетность конкретного депутата, представителя исполнительной и судебной власти, проблемы адаптации мигрантов, нюансы федеральной, региональной и муниципальной политики в области законотворческой инициативы граждан, гражданских прав, культуры, экономики, экологии, ротации государственных и муниципальных кадров и т.п.

Алгоритмизация власти тесно связана с механизмами классической политической власти, ее доцифровыми практиками. Однако, имеются и отличия, - если граждане не будут параллельно осваивать как навыки элементарного программирования, так и навыки политической коммуникации и самоорганизации, то алгоритмическая власть оставит намного меньше маневра для политического творчества граждан, чем традиционная политическая власть.

Назрела серьезная перезагрузка теории и практики цифровой демократии. Это чрезвычайно важно в условиях падения доверия к традиционным политическим институтам – парламенту, партиям и правительству. Требуется создание долговременных проектов цифровых демократических платформ, обеспеченных краудфандинговыми решениями, способных обучать граждан участию в публичной политике и обсуждении политических вопросов на разных уровнях. Вполне вероятно, что нужно лучше проанализировать феномен троллинга, присмотреться к хакерской этике, гибридным практикам обучения навыкам программирования и политического участия, обратить внимание на феномен античной парессии (о чем, к примеру, писал М. Фуко [21, с. 21-23]) – традиции политической критики, которая бы имела своей целью не линчевание, разрушение власти, а ее качественное совершенствование. Исследователи Г. Тиммс и Дж. Хейманс говорят о схожих вещах, противопоставляя «старую власть» модели «новой власти», где иерархические отношения уступают отношениям самоорганизации, сотрудничества, активного политического обсуждения. Однако при существующем доминировании цифровых корпораций и их «предписывающих» алгоритмов это невозможно.

Каждый гражданин должен иметь право на участие в политическом дискурсе. Правда, для этого потребуется настоящий переворот в теории и практике цифровой демократии, а также снижение роли алгоритмов цифровых корпораций. И это очень сложная проблема: с одной стороны, граждане должны относиться к политическим обсуждениям (минимум муниципального, регионального уровня), как к важной составляющей части своей повседневной жизни, с другой стороны, потребуется создание надежных цифровых каналов, ограждающих граждан от манипулятивных практик и постоянно обучающих их навыкам парессии – объективной и аргументированной политической критики. Пока граждане не станут владельцами цифровых демократических платформ, пока они сами не станут обучать друг друга разнообразным демократическим практикам на этих платформах, конформизм будет сохранять свою определяющую роль в политическом процессе, а алгоритмическая власть останется у группы немногих.

Литература

1. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельности жизни.* /Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. 2-е изд. - М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. - 416 с.
2. *Белов С.И.* Перспективы использования видеоигр как средства позиционирования внешней политики Российской Федерации //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. /Пер. Е. Руткевич. - М.: Медиум. 1995. - 323 с.
4. *Быков И.А.* Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
5. *Володенков С.В.* Потенциал государственно-корпоративной гибридизации в процессах трансформации традиционных политических режимов //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
6. *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. - М.: Ад Маргинем Пресс. 2016. - 224 с.
7. *Жуков Д.С.* ИТ-гиганты versus национальные государства: перспективы цифровой многополярности //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
8. *Исаев И.А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа): монография. - М.: Проспект. 2021. - 384 с.
9. *Кравченко И.И.* Бытие политики. - М.: ИФ РАН. 2001. - 259 с.
10. *Кравченко И.И.* Политика и сознание. - М.: ИФ РАН. 2004. - 216 с.
11. *Ласки Г.Дж.* О суверенитете государства //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2020. - № 4. - С. 152–161. - DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-152-161.
12. *Мамут Л.С.* Образ государства как алгоритм политического поведения //Общественные науки и современность. - 1998. - №6. - С. 85-97.
13. *Маслов Д.В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы, 1985-1991 гг: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2000. – 205 с.
14. *Матюхин А.В.* Санкции – инструмент мировой политики (рецензия на монографию Гришаевой Л.Е. «Пульс санкций: российский исторический аспект») //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
15. *Назаров М.М.* Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия //Коммуникология. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 108-124. – DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124.
16. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. - М.: РОССПЭН. 2010. - 760 с.
17. *Пустовойт Ю.А.* Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «IQBuzz» (опыт анализа протестов в сибирских городах) //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
18. *Синчук Ю.В., Каширина Т.В.* Перспективы и возможности цифровой дипломатии //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
19. «Технология власти» (философско-политический анализ). /Отв. ред. Р.И. Соколова, ред. В.И. Спиридонова. - М.: ИФ РАН. 1995. - 163 с.
20. *Федорченко С.Н.* Реконцептуализация наследия В.Л. Цымбурского: политическая легитимация в условиях цифровизации международных отношений //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
21. *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983 – 1984 учебном году. /Пер. с фр. А.В. Дьяков. - СПб.: Наука. 2014. - 358 с.
22. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. - М.: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. иск. «Гараж». 2020. - 416 с.
23. *Beer D.* The social power of algorithms //Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. Issue. 1. P. 1-13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.

24. *Beznosov M.A.* Foreign policy in an era of digital diplomacy //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. - №2.
25. *Kosinski M.* Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images //Scientific Reports. 2021. №11(100). - DOI: 10.1038/s41598-020-79310-1. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1> (дата обращения: 07.05.2021).
26. *Srnicek N.* Platform Capitalism. - Cambridge: Polity Press. 2016. 120 p.
27. *Willoughby W.* Chapter XI. Location of sovereignty in the body politic //Willoughby W. The Nature of the State. N.Y.: Macmillan Company. 1896. P. 276-290.

References

1. Arendt Kh. *Vita Activa, ili O deyatel'nosti zhizni* [Vita Activa, or On the Activity of Life], M., Ad Marginem Press Publ., 2017, 416 p. (In Russian).
2. Belov S.I. Perspektivy ispol'zovaniya videoigr kak sredstva pozitsionirovaniya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Prospects for the use of video games as a means of positioning the foreign policy of the Russian Federation]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
3. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge], M., Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
4. Bykov I.A. Tsifrovye platformy gosudarstvennogo upravleniya v sisteme natsional'nykh publichnykh kommunikatsiy [Digital platforms of public administration in the system of national public communications], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
5. Volodenkov S.V. Potentsial gosudarstvenno-korporativnoy gibridizatsii v protsessakh transformatsii traditsionnykh politicheskikh rezhimov [The potential of state-corporate hybridization in the transformation of traditional political regimes], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
6. Greber D. *Utopiya pravil: o tekhnologiyakh, gluposti i taynom obayanii byurokratii* [Utopia of the Rules: About Technology, Stupidity and the Secret Charm of the Bureaucracy]. M., Ad Marginem Press Publ., 2016, 224 p. (In Russian).
7. Zhukov D.S. IT-giganty versus natsional'nye gosudarstva: perspektivy tsifrovoy mnogopolyarnosti [IT giants versus nation states: perspectives of digital multipolarity], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
8. Isaev I.A. «*Mashina vlasti*» v virtual'nom prostranstve (formirovaniye obraza): monografiya. ["Power machine" in virtual space (image formation): monograph], M., Prospekt Publ., 2021, 384 p. (In Russian).
9. Kravchenko I.I. *Bytie politiki*. [Being politics], M., IP RAS Publ., 2001. - 259 p. (In Russian).
10. Kravchenko I.I. *Politika i soznanie* [Politics and Consciousness], M., IP RAS Publ., 2004, 216 p. (In Russian).
11. Laski H.J. On the Sovereignty of the State. [O suverenitete gosudarstva]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political science]. 2020, I. 4, pp. 152–161. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-152-161. (In Russian).
12. Mamut L.S. Obraz gosudarstva kak algoritm politicheskogo povedeniya [The image of the state as an algorithm of political behavior], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1998, I. 6, p. 85-97. (In Russian).
13. Maslov D.V. *Narastaniye krizisa sovetsoy partiyno-gosudarstvennoy sistemy, 1985-1991 gg: spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya": dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The growing crisis of the Soviet party-state system, 1985-1991: specialty 07.00.02 "Domestic history": dissertation for the degree of candidate of historical sciences], M., 2000, 205 p. (In Russian).

14. Matyukhin A.V. Sanktsii – instrument mirovoy politiki (retsenziya na monografiyu Grishaevoy L.E. «Pul's sanktsiy: rossiyskiy istoricheskiy aspekt») [Sanctions are an instrument of world politics (review of the monograph by L.E. Grishaeva "The Pulse of Sanctions: Russian Historical Aspect")], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
15. Nazarov M.M. Platformy i algoritimizatsiya v media: sodержanie i sotsial'nye sledstviya [Platforms and Algorithmization in Media: Content and Social Consequences], *Kommunikologiya* [Communicology], 2020, V. 8, I. 2, pp. 108-124, DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124. (In Russian).
16. Ostrogorskiy M.Ya. *Demokratiya i politicheskie partii* [Democracy and Political Parties], M., ROSSPEN Publ., 2010, 760 p. (In Russian).
17. Pustovoyt Yu.A. Mobilizatsionnaya povestka pokoleniy v zerkale sistemy «IQBuzz» (opyt analiza protestov v sibirskikh gorodakh) [Mobilization agenda of generations in the mirror of the "IQBuzz" system (experience of analyzing protests in Siberian cities)], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
18. Sinchuk Yu.V., Kashirina T.V. Perspektivy i vozmozhnosti tsifrovoy diplomatii [Prospects and Opportunities for Digital Diplomacy], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
19. «Tekhnologiya vlasti» (*filosofsko-politicheskiy analiz*). /Otv. red. R.I. Sokolova, red. V.I. Spiridonova ["Technology of power" (philosophical and political analysis)], M., IF RAS Publ., 1995, 163 p. (In Russian).
20. Fedorchenko S.N. Rekontseptualizatsiya naslediya V.L. Tsymburskogo: politicheskaya legitimatsiya v usloviyakh tsifrovizatsii mezhdunarodnykh otnosheniy [Tsymbursky: political legitimation in the context of digitalization of international relations], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2. (In Russian).
21. Fuko M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983 – 1984 uchebnom godu*. /Per. s fr. A.V. D'yakov [Courage of Truth. Controlling Oneself and Others II. A course of lectures given at the College de France in the 1983 - 1984 academic year]. SPb., Nauka Publ., 2014, 358 p. (In Russian).
22. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison], M., Ad Marginem Press, Muzei sovr. issk. «Garazh» Publ., 2020, 416 p. (In Russian).
23. Beer D. The social power of algorithms, *Information, Communication & Society*, 2017, V. 20, I. 1, pp. 1-13, DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
24. Beznosov M.A. Foreign policy in an era of digital diplomacy, *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 2.
25. Kosinski M. Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images, *Scientific Reports*, 2021, I. 11(100), DOI: 10.1038/s41598-020-79310-1, Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1> (Accessed: 07.05.2021).
26. Srnicek N. *Platform Capitalism*, Cambridge, Polity Press Publ., 2016, 120 p.
27. Willoughby W. Chapter XI. Location of sovereignty in the body politic, Willoughby W. *The Nature of the State*, N.Y., Macmillan Company Publ., 1896, pp. 276-290.